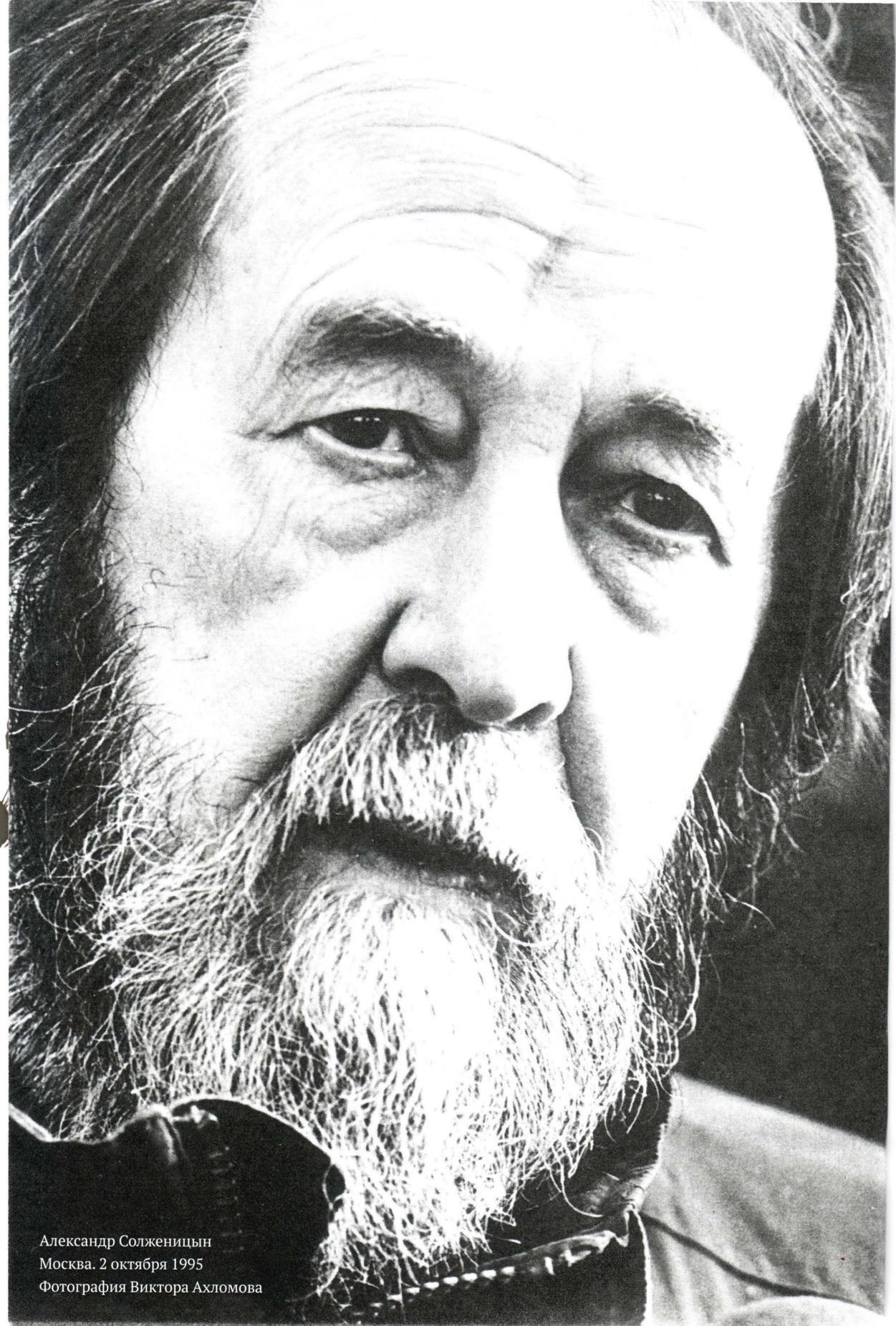

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА
В СОВРЕМЕННОМ
ИСКУССТВЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ
ИСКУССТВОВЗНАНИЯ

Александр Солженицын
Москва. 2 октября 1995
Фотография Виктора Ахломова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЗНАНИЯ
Дом РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ИМЕНИ А. СОЛЖЕНИЦЫНА
РУССКИЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Личность и творчество А.И. Солженицына в современном искусстве и литературе

Материалы Международной научной конференции,
посвященной столетию со дня рождения А.И. Солженицына
Москва, 15-17 марта 2017 года

Москва 2018

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос)6
Л-66

Печатается по решению Ученого совета
Государственного института искусствознания

Рецензенты:

В.П. Лукин, доктор исторических наук, профессор;
Е.В. Дуков, доктор философских наук, профессор;
О.В. СТРОЕВА, кандидат философских наук, доцент

Составитель: Л.И. САРАСКИНА

В оформлении обложки использован рисунок Валерия Котова
Иллюстрации предоставлены авторами статей

Личность и творчество А.И. Солженицына в современном искусстве и литературе:

Материалы Международной научной конференции, посвященной столетию со дня рождения А.И. Солженицына. Москва, 15–17 марта 2017 г. / Гос. институт искусствознания ; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына ; Русский благотворительный фонд Александра Солженицына ; ред.-сост. Л.И. Сараскина. — М. : Государственный институт искусствознания ; Русский путь, 2018. — 408 с. : ил.

ISBN 978-5-98287-131-2 (Государственный институт искусствознания)

ISBN 978-5-85887-500-0 (Русский путь)

В сборник вошли материалы Международной научной конференции «Личность и творчество А.И. Солженицына в современном искусстве и литературе», прошедшей 15–17 марта 2017 года в Доме русского зарубежья и Государственном институте искусствознания.

Первый раздел посвящен выступлениям деятелей театра, кино, телевидения, музыки, литературы, книжного и музейного дела, которые рассказывали о театральных постановках, фильмах, музыкальных и литературных произведениях, выставках, связанных с жизнью и творчеством Солженицына. Следующие разделы содержат доклады филологов, философов, историков, искусствоведов, культурологов, педагогов и переводчиков книг о Солженицыне на иностранные языки из Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, а также исследователей из США, Великобритании, Франции, Швейцарии, Италии, Польши, Китая. Издание сопровождается иллюстрациями и адресовано широкому кругу читателей, интересующихся творчеством А.И. Солженицына и историей русской литературы XX века.

ISBN 978-5-98287-131-2
(Государственный институт искусствознания)
ISBN 978-5-85887-500-0
(Русский путь)

© Коллектив авторов, текст, 2018
© Л.И. Сараскина, составление,
2018
© Государственный институт
искусствознания, 2018
© ЗАО «Издательство “Русский
путь”», 2018
© И.Б. Трофимов, оформление,
2018

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	9
ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ	
Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына 15 марта 2017	
Выступления:	
<i>Н.В. Сиповская</i>	11
<i>В.А. Москвин</i>	12
<i>Н.Д. Солженицына</i>	13
I. МАСТЕРА ИСКУССТВ:	
театр, кино, книжный дизайн, литература	
<i>Б.Н. Любимов</i>	
ТЕАТР И ТЕАТРАЛЬНОСТЬ В БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА	18
<i>Г.Г. Исаакян</i>	
ОПЕРА «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА» – ОПЫТ ПЕРЕЖИВАНИЯ ИСТОРИИ В ПРОЕКТАХ ПЕРМСКОГО ОПЕРНОГО ТЕАТРА	24
<i>В.В. Иванов</i>	
О ПОСТАНОВКЕ СПЕКТАКЛЯ «МАТРЕНИН ДВОР» В ТЕАТРЕ ИМ. ЕВГ. ВАХТАНГОВА	28
<i>С.В. Мирошниченко</i>	
ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА	37
<i>А.Г. Денисов</i>	
О СОЗДАНИИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА». 50 ЛЕТ СПУСТЯ»	42
<i>Е.А. Корнеев</i>	
ОБЛИК КНИГИ «АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН. ИЗ-ПОД ГЛЫБ»	

<i>А.А. Кабаков</i> АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН И ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ – ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ РУССКОЙ СВОБОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА	51
<i>Е.А. Попов</i> ВЕСЕЛЫЙ СОЛЖЕНИЦЫН: О СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЕ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ	56
<i>Р. Темпест</i> ТАЙНЫЕ ЯЗЫКИ ИСКУССТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА	62
<i>Г. Пшебинда</i> АЛЕКСАНДР ВАТ О СОЛЖЕНИЦЫНЕ, НАЦИЗМЕ И КОММУНИЗМЕ	

II. МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО

<i>Г.А. Тюрина</i> ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ	94
<i>Н.Т. Ашимбаева</i> ВЫСТАВКА «ДОСТОЕВСКИЙ И СОЛЖЕНИЦЫН. СКРЕЩЕНИЯ СУДЕБ И ТВОРЧЕСТВА» МУЗЕЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ПЕТЕРБУРГЕ. 6 ОКТЯБРЯ – 25 НОЯБРЯ 2014	100
<i>Е.Ю. Колбановская</i> А.И. СОЛЖЕНИЦЫН В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖЬЯ	115
<i>Д.В. Топилина</i> ВЫСТАВКА «СОЛЖЕНИЦЫН-ФОТОГРАФ» ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ. 16 МАРТА 2017	128

III. В ПРОСТРАНСТВЕ НАУКИ

<i>Н.А. Хренов</i> ИМПЕРСКИЙ КОМПЛЕКС РОССИИ И ЕГО КРИТИКИ: А.И. СОЛЖЕНИЦЫН	134
<i>Ю.Н. Гирин</i> К ТИПОЛОГИИ РЕПРЕССИВНЫХ КУЛЬТУР	160
<i>А. Дель Аста</i> МОНТАЖ И ПОЛИФОНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА	166
<i>А.С. Вартанов</i> НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ЦИКЛ НА ПЕРВОМ КАНАЛЕ	171

<i>М.М. Голубков</i> АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН И АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ: К ИСТОРИИ ВЗАИМНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ	197
<i>Е.В. Сальникова</i> ОБРАЗНАЯ СПЕЦИФИКА ТЕЛЕСЕРИАЛА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»	207
<i>Л.И. Сараскина</i> ЗАДАЧА И СВЕРХЗАДАЧА ЭКРАНИЗАЦИИ ПО РОМАНУ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»	222
<i>Е.В. Жуйкова</i> ПРОБЛЕМА ТОЧКИ ЗРЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ И КИНО (РОМАН «В КРУГЕ ПЕРВОМ» И ЕГО ЭКРАНИЗАЦИЯ)	243
<i>В.А. Котельников</i> ВИЗУАЛЬНОСТЬ В ТЕКСТАХ СОЛЖЕНИЦЫНА	249
<i>И.Ю. Кудинова</i> ВИЗУАЛЬНЫЕ КОДЫ В ПОВЕСТИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «РАКОВЫЙ КОРПУС»	256
<i>М. Николсон</i> ПОЛОТНА ХУДОЖНИКА КОНДРАШЁВА-ИВАНОВА И ЭВОЛЮЦИЯ СОЛЖЕНИЦЫНСКОЙ ПРОЗЫ КОНЦА 1950-х ГОДОВ	263
<i>И.В. Дорожинская</i> АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН: ТЕАТРАЛЬНЫЕ НЕВСТРЕЧИ. 1960-е	271
<i>О.Н. Мальцева</i> О ТЕАТРАЛЬНОМ ПРЕТВОРЕНИИ РОМАНА А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ» (СПЕКТАКЛЬ Ю.П. ЛЮБИМОВА «ШАРАШКА»)	281
<i>Е.С. Абелюк</i> РОМАН А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ» В СПЕКТАКЛЕ Ю.П. ЛЮБИМОВА «ШАРАШКА»	296
<i>Г.А. Тюрина</i> СОЛЖЕНИЦЫН В МУЗЫКЕ	306
<i>Ж. Нива</i> ОПЕРА ЖИЛЬБЕРА АМИ «В КРУГЕ ПЕРВОМ»	312
<i>Е.М. Петрушанская</i> «ЗВУКОВАЯ РАЗВЕДКА» А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА: О СМЫСЛОВЫХ ОБЕРТОНАХ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТКАНИ ОПЕРЫ А.В. ЧАЙКОВСКОГО «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА» И НА ПРИМЕРЕ ТЕМЫ РАДИО У ПИСАТЕЛЯ	316

Жень Гуансюань

Влияние рассказа А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»
на тюремную тему в современной китайской прозе

332

П.Е. Сливаковский

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН И ВЛАДИМИР СОРОКИН

А.Е. Климов

«НЕЗАБЫВАЕМАЯ НОЧЬ»

(о повести «Адлиг Швенкиттен»)

Г.В. Кузовкин, Ин.А. Мартынов

Иконография Александра Солженицына по материалам
«Хроники текущих событий»

359

Н.М. Щедрина

ПОРТРЕТ ЛЕНИНА КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В РОМАНЕ
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «КРАСНОЕ КОЛЕСО»

Г.М. Алтынбаева

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН В САРАТОВСКОМ КРАЕ

395

ОБ АВТОРАХ

Г. Пшебинда

АЛЕКСАНДР ВАТ О СОЛЖЕНИЦЫНЕ, НАЦИЗМЕ И КОММУНИЗМЕ

Среди польских писателей второй половины XX века, откликнувшихся на творчество Александра Солженицына, особого внимания заслуживают Александр Ват (1900-1967) и Густав Герлинг-Грудзинский (1919 - 2000). Первый широко известен благодаря фундаментальной книге «Мой век», опубликованной в 1977 году в польском эмиграционном издательстве в Лондоне¹, второй - как автор автобиографического романа «Иной мир. Советские записки»².

И Ват, и Герлинг-Грудзинский описали пережитое ими в тюрьмах, лагерях и ссылке в сталинском СССР в художественных или мемуарных произведениях³. Жорж Нива в замечательной книге о Солженицыне совершенно справедливо указывает, что книги Вата и Герлинга-Грудзинского - так

¹ *Wat A. Mój wiek. Pamiętnik mówiony / przed. Cz. Miłosz; do druku przygot. L. Ciołkoszowa. London: Polonia book fund, 1977. Т.1-2.* Это серия бесед Чеслава Милоша с Александром Ватам, которая была записана на магнитофонную пленку в Беркли (Калифорния) и в Париже в 1965 году.

² Впервые роман был опубликован в 1951 году в переводе на английский язык с предисловием Бертрانا Рассела. На польском языке книга была издана в Лондоне в 1953 году. В течение декады вышли шведский (1952), немецкий (1953), итальянский (1958) переводы, а впоследствии книга Герлинга-Грудзинского была опубликована и на испанском, японском, китайском, арабском языках. В 1987 года в Лондоне, а в 1992-м в Москве свет увидел русский перевод, выполненный Натальей Горбаневской. Роман вышел также на французском и украинском языках (соответственно в 1996 и 2000).

³ Испытания, выпавшие Густаву Герлингу-Грудзинскому в СССР в 1940-1942 годах, его служба в польской армии генерала Андерса на итальянском фронте, эмиграция, а также сотрудничество с парижской «Культурой», писательская деятельность, глубокое понимание русской литературы XIX и XX веков, в том числе творчества Шаламова и Солженицына, - все это требует отдельного исследования. Частично на эту тему см.: *Пшебинда Г. Солженицын и Польша. Годы 1962-1989 // Солженицынские тетради. Материалы и исследования. М.: Русский путь, 2016. Вып 5. С.170-172.*

же, как и произведения Варлама Шаламова, Василия Гроссмана, Евгении Гинзбург, Екатерины Олицкой, Жака Росси, Бернона Кресса и Олега Волкова - «показывают изнутри обширную лагерную империю, за которой закрепилось образное солженицынское название»).

Александр Ват (настоящая фамилия Хват) родился 1 мая 1900 года в еврейской семье в Варшаве - в то время третьем по числу жителей городе Российской империи. Вошел в историю польской литературы еще в довоенный период как один из наиболее интересных польских футуристов, высоко оцененный самим Владимиром Маяковским. Дважды приезжая в Варшаву в 1927-1928 годах, Маяковский регулярно встречался с Ватам и его супругой Ольгой², заметив впоследствии в «Записных книжках», что «Ват - урожденный футурист»³ (справедливости ради следует добавить, что сам «футурист» считал себя представителем дадаизма⁴). Как бы там ни было, Маяковский мог побеседовать с варшавским коллегой-поэтом на языке Пушкина: Ват прекрасно говорил по-русски, так как учился в русской школе в Варшаве. В другом очерке - «Ездил я так» - Маяковский определил Вата как «беллетриста и переводчика»⁵, что уже совершенно справедливо: после окончания русской школы, польской классической гимназии и, наконец, учебы на философском отделении Варшавского университета Александр Ват активно занимался переводами художественной литературы⁶.

Но между переводами Толстого - Достоевского (1928) и Гайдара (1952) Ват пережил - говоря языком Иванова-Разумника - свои тюрьмы

¹ *Нива Ж* Александр Солженицын. Борец и писатель/ пер. Вл. Петрова в сотрудничестве с автором. СПб.: Вита Нова, 2014. С. 56-57.

² *Wata*. Mój wiek. Pamiętnik młwiony. London: Polonia book fund. LTD, 1981. T.1. S.138-142; *Ватова О*. Всё самое важное/ пер. с польск. Л. Гиллон. М.: АСТ, 2014. С. 24-27. Стоит добавить, что в 1992 году замечательные мемуары Ватовой стали основой для художественного фильма Роберта Глинского «Всё, что самое важное», доступного также в русской версии (см.: URL: <https://filmix.me/dramy/11105-to-cho-to-vazhnee-vsego-wszystko-co-najwazniejsze-1992.html> (дата обращения: 10.05. 2018)).

³ Ср.: *Арутчева В.А.* Записные книжки Маяковского// Литературное наследство. М., 1958. Т. 65. С. 384.

⁴ Ср.: *Милош Ч* Предисловие (*Ват А*. Мой век: Устные мемуары. Фрагменты книги// URL: http://magazines.russ.ru/inostran/2006/5/vat5-pr.html#_ftn3 (дата обращения: 10.05. 2018)). Пер. с польск. Н. Каменевой.

⁵ *Маяковский В*. Ездил я так// Полн. собр. соч.: в 3 т. М.: Худож. лит., 1958. Т. 8. С. 337.

⁶ Александр Ват переводил на польский с английского, французского, немецкого и, конечно, с русского: в 1928 году - «Братьев Карамазовых» и «Анну Каренину», в 1927-1935 годах - «Тринадцать трубок», «День второй» и «Фабрику снов Эренбурга», а после войны - рассказы Чехова, «Вассу Железнову» Горького, «Бесприданницу» Островского и «Страницу жизни (Твой путь)» Розова, «Новь» Тургенева и многие книги Гайдара, в том числе и «Тимура и его команду» (1952). Ср.: *Fast Aleksander Wat o pisarzach rosyjskich*. Boris Pasternak i Ilya Erenburg Pamiętnik Literacki: Czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej. 2010. № 101/3. S.151-163.

и ссылки, очутившись в советской неволе за четыре года до того, как сюда попал Александр Солженицын. Сразу после нападения 1 сентября 1939 года нацистской Германии на Польшу Ват спешно покинул Варшаву и перебрался во Львов, вскоре атакованный сначала Вермахтом, а после 17 сентября занятый, согласно пакту Молотова-Риббентропа, Красной армией. 13 ноября Ват, как и Броневский, Бой-Желенский, Важик и другие, был вынужден подписать заявление «Польские писатели приветствуют воссоединение Украины», тем самым поддержав советскую аннексию бывшего в то время частью польского государства Львова и прилегающих к нему земель¹. Но Вату это не помогло: 24 января 1940 года он был арестован² и относительно быстро прошел через тюрьмы Львова (Замарстынов и Брыгидки³), Киева, через Лубянку и внутреннюю тюрьму НКВД в Саратове. В «Моем веке» Александр Ват честно рассказывает, что на Лубянке обращались с ним неплохо - как с «важным политическим преступником»: камеры там были достаточно чистые, еда сносная⁴, что

¹ Сам Ват много лет спустя дал бескомпромиссную оценку своим действиям: «Я говорю, что это был самый отвратительный период моей жизни, эти несколько недель во Львове. Я трусил, лгал. Знал, что меня арестуют, что Оля и Андрей погибнут, попросту дрожал и притворялся, что, дескать, конечно, снова убедился в правоте коммунизма. Ущерб никому не нанес - наоборот. Не написал ни одного стихотворения о Сталине<...>. Но, разумеется, лгал. Лгал. Притворялся, что снова поверил» (*Wata*. Мбј wiek... Т.1. S. 268. Пер. с польск. Н. Горбаневской).

² *Ibid.* Т. 2. S. 22. Супруга Вата, Ольга *Батова*, вместе с девятилетним сыном Андреем были высланы из Львова в Казахстан (в совхоз «Красный скотовод» Семипалатинской области) три месяца спустя, в ночь с 13 на 14 апреля 1940 года (см.: *Батова* О. Всё самое важное. С. 44; 68-69).

³ После нападения гитлеровской Германии на СССР - когда Ват, к своему огромному счастью, уже находился в ссылке в Казахстане - в советских тюрьмах во Львове сидело несколько тысяч политзаключенных (в основном украинцы, поляки и евреи), и НКВД решило всех уничтожить. «В некоторых западных областях страны, не имея времени для эвакуации узников тюрем, начали их уничтожение. Так, большинство львовян провели 22 июня в слезах, тревоге и молитве, а в застенках тюрем (на улицах Лонцкого и Замарстыновской, а также "Брыгидки"), где находились, в основном, политзаключенные, начался кровавый ад. Чтобы эвакуировать узников, понадобилось бы почти 170 вагонов. Сотрудники НКВД решили просто уничтожить людей. 22 июня поспешно расстреляли 108 заключенных, а 23-24 июня полностью закончили "разгрузку" львовских тюрем. Людей без суда и следствия убивали в подвалах под грохот моторов машин. По архивным данным, за три дня в городе расстреляли 1808 человек» (*Выгодский В.С.* Преступления без наказания. Израиль: Ашкелон, 2012 // URL: <https://www.proza.ru/2012/09/18P57> (дата обращения: 10.05.2018)).

⁴ *Wata*. Мбј wiek... Т. 2. S. 34. Александр Ват был заключенным тюрьмы на Лубянке до августа 1941 года, а затем, после пакта Сикорского-Майского, его этапировали в Саратов. Там, во внутренней тюрьме НКВД, он встретился с Юрием Стекловым-Нахамкисом, соратником Ленина, в 1917-1925 годах главным редактором газеты «Известия», специалистом по творчеству Чернышевского. См.: *Пшебинда Г.* Читая Вата: Воспоминания русиста // Новая Польша. 2012. № 10 (145). С. 57-61. Пер. с польск. Н. Горбаневской (URL: http://www.novpol.org/ru/SkY9S_GwiZ/ChITAYa-VATA (дата обращения: 10.05.2018)); *Пшебинда Г.* Между Краковом, Римом и Москвой. Русская идея в новой Польше. М.: РГГУ, 2013. С. 353-355.

особенно контрастировало с жутким Замарстыновом. Более того, в богатой библиотеке Лубянки Ват успел многое прочитать - это были и дореволюционные книги, и публикации 1921-1937 годов, вышедшие в свет в замечательном издательстве «Academia». Среди прочего были прочитаны и изучены «том нравственно-религиозных сочинений Толстого, первый том "В поисках утраченного времени" Пруста, издание "Академии", толстый том поэзии Некрасова, избранные сочинения Макиавелли той же отличной "Академии"»¹.

В ноябре 1941 года Ват был временно освобожден по амнистии, сумел разыскать жену и сына и добрался до Алма-Аты, где попал под опеку польского посольства. В марте 1943 года снова провел около трех месяцев в заключении из-за отказа принять советский паспорт². После ухода армии генерала Андерса остался в СССР и выполнял функции представителя лондонского правительства в Казахстане, покинув СССР в 1946 году. В январе 1953 года он тяжело заболел и с 1955 по 1957 год находился на лечении на юге Франции.

Творчество Вата со временем становится отчетом о большом путешествии по разным эпохам, различным сферам традиции и языка, по философским и политическим системам. Некогда сочувствуя коммунистам, а впоследствии став узником сталинской системы, писатель все больше времени посвящал наброскам книги, которая должна была показать

¹ *Wata*. *Mój wiek...* T. 2. S. 35. И еще очень интересное добавление: «Все это время у нас не было никакой коммунистической литературы, никакой марксистской литературы. Я был во многих камерах с книгами, по крайней мере, в нескольких, и мне сказали, что таких книг вообще не выдают. Мои сокамерники мудро объясняли так: это затем, чтобы просто-напросто тех следователей<...>, из числа не особенно умных, не припирать к стене марксистской аргументацией. В то же время не было недостатка в религиозной литературе. Я читал там Соловьева, многих других, читал отцов Церкви, "О граде Божьем" блаженного Августина. Книжки на Лубянке<...> стали для меня одним из важнейших событий в жизни» (ibid. S. 68. Пер. с польск. Д. Клебанова). А вот что писал А.И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» (ч. 1 гл. 5: «Первая камера - первая любовь»): «А библиотека Лубянки - её украшение. <...> Иногда девица на чудо выполняет наши заказы! Но и когда пренебрегает ими, всё равно получается интересно. Потому что сама библиотека Большой Лубянки - уникал. Вероятно, свозили её из конфискованных частных библиотек; книголюбы, собиравшие их, уже отдали душу Богу. Но главное: десятилетиями повально цензурируя и оскоряя все библиотеки страны, госбезопасность забывала покопаться у себя за пазухой - и здесь, в самом логове, можно было читать Замятина, Пильняка, Пантелеймона Романова и любой том из полного Мережковского. (А иные шутили: нас считают погибшими, потому и дают читать запрещенное. Я-то думаю, лубянские библиотекари понятия не имели, что они нам дают - лень и невежество.)» (Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ, 1918-1956: Опыт художественного исследования: в 3 кн. М.: Астрель, 2009. Кн.1. С.198-199).

² Томас Венцлова определяет справедливо этот отказ Вата принять в Казахстане советское гражданство, как «может быть, один из наиболее мужественных поступков, которые Вату пришлось совершить в жизни» (Venclova Aleksander Wat: *Obrazoburca / przełoż. z ang. T. Goślicki*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1997.S. 130).

сущность сталинизма. Будучи чрезвычайно эрудированным, страстным читателем, прочитавшим тысячи книг, Ват, однако, так и не смог создать свой главный труд, в котором был бы зафиксирован и обобщен культурный, фантазийный и психический опыт человека, которому выпало жить в век торжества тоталитаризма и творческих, литературных революций.

В 1963 году Александр Ват окончательно выбрал статус эмигранта и остался на Западе. Он печатался в парижской «Культуре», выступал на радиостанции «Свободная Европа». В декабре этого же года Ваты покинули Францию и отправились в Калифорнию, в Беркли. Болезнь прогрессировала, и Ват начал записывать свои воспоминания и беседы с Чеславом Милошем на магнитофон. Так появились знаменитые биографическо-интеллектуальные мемуары «Мой век», изданные в 1977 году, уже через десять лет после смерти автора, который - не выдержав физических и психических мук - окончил жизнь самоубийством на севере Франции 29 июля 1967 года.

На основе опыта, приобретенного в советских тюрьмах и ссылках, Ват хотел сформулировать - об этом он писал 21 января 1963 года Юзефу и Марии Чапским¹ - обобщенные суждения об этике поведения человека в тюремном мире Востока и Запада. В варшавском журнале «Творчество» («Twórczość») у Ярослава Ивашкевича он хотел даже напечатать цикл рассказов «Мои тюрьмы», а именно: 1) Замарстынов, 2) Моя Лубянка, 3) Киев, 4) Алма Ата². В уже упомянутом письме писатель уточнял, что «рассказы будут холодные (как купание в проруби), без преувеличений, но и без обиняков и умолчаний, точно (как "точные науки")»³. Чтобы опубликовать в Варшаве такие воспоминания и философские рассуждения о натуре человека, пусть даже и во времена хрущевской оттепели, надо было верить, что и коммунистическая Польша «вступила в суб-эру Солженицына»⁴.

Введенный Ватам термин «суб-эра Солженицына» появился неслучайно - писатель успел еще прочесть всё, что будущему автору «Архипелага ГУЛАГ» удалось опубликовать в период 1961-1963 годов в московском «Новом мире»: «Один день Ивана Денисовича», «Случай на станции Кречетовка», «Матрёнин двор» и «Для пользы дела»⁵. 29 января 1963 года Ват писал Ежи Гедройцу, главному редактору эмиграционного парижского ежемесячника «Культура»: «Поскольку Вы получите "Новый мир" с тремя рассказами Солженицына (за фотокопию "Одного дня Ивана Денисовича" сердечно благодарю Вас), я обращаюсь к Вам с горячей просьбой дать

¹ Это письмо было написано Ватам во время пребывания на французской Ривьере и отправлено Чапским в Париж.

² К большому сожалению, данный цикл тюремных рассказов так и не был написан.

³ *Wat A. Pisma zebrane. T. 4: Korespondencja. Cz.1 / red. A. Kowalczykowa. Warszawa: Czytelnik, 2005. S. 68. Зд. и далее - пер. с польск. Д. Клебанова.*

⁴ *Ibid.*

⁵ Ват читал Солженицына в подлиннике. Следует также отметить, что все публиковавшиеся в СССР произведения Солженицына сразу же переводились на польский и издавались или в ПНР, или в эмиграции. См.: *Пшебинда Г. Солженицын и Польша... С.149, 159.*

мне его - верну через день; кое-что для меня все еще покрыто мраком»¹. А в «Моем веке» Ват рассказывает Милошу о своих впечатлениях от прочтения «Кречетовки»: «Ведь они, эти молодые энкеведисты - это были *честные*² люди. Ведь это были фантастические комсомольцы, воспитанные по-пуритански. По крайней мере, часть из них. Ведь впоследствии, во время войны, в Алма-Ате, уже тоже был распад. Но тогда! Знаешь, лейтенант из новеллы "Случай на станции" Солженицына. Вероятно, лучшая его новелла, абсолютно соотносимая с тогдашней действительностью. Я сам был свидетелем совершенно идентичной ситуации. Солженицын - блестящий реалист. Великий писатель, но, увы, со слабым дыханием»³.

Можно предполагать, что эти поспешные констатации - «для меня все еще покрыто мраком» и «слабое дыхание» Солженицына - были выражением тоски польского писателя по более обстоятельным по форме, содержанию и идее произведениям только начинавшего свой писательский путь Солженицына. Нужно помнить, что «Раковый корпус» (1968), «В круге первом» (1969), не говоря уже об «Архипелаге ГУЛАГ» (1973-1975) и «Красном Колесе» (публ. с 1971) увидели свет уже после смерти Александра Вата (1967). Немаловажно и то, насколько он сам в «Моем веке» сумел затронуть и развить те великие исторические темы, которые будут так сильно будоражить ум Солженицына на протяжении всей его жизни.

Автор «Моего века» очень высоко ценил «Матрёнин двор» за его «христианско-народную *charitas*», за «аполитичность» и одновременно за верность истинной «политике», уходящую корнями в *virtu*, что, по мнению Вата, Солженицын воспринимал не только как пристрастие к добру и отвращение ко злу, но и как верность высокому искусству, не отводящему глаз от человеческого страдания. И именно это, а не плоский антикоммунизм эмигрантов, польский писатель считает настоящим оружием внутренне свободных людей против Сталина. Ват ставит раннего Солженицына наравне с Пастернаком, Ахматовой, молодым тогда Бродским и уже поздним (с перспективы, конечно, середины 1960-х) Терцем-Синявским: «Чтобы действительно освободиться от наследия Сталина *в душе*, они должны сначала оторваться от неприятеля, должны сбросить с себя, как уж по весне, не только все мысли о сталинизме, коммунизме, ревизионизме и т.д., но и все эти омерзительные слова. В этом смысле, например, свободны не Андрей Вознесенский, Евтушенко или Тарсис, но такие по-эты как Иосиф Бродский, как Солженицын с его "Матрёниным двором", как Терц-Синявский с его последними, аполитичными, произведениями. Ибо политичность в течение такого долгого полувека оказалась настолько извращена и насквозь развращена, что следует для начала вырвать ее с корнями из души, очистить почву, чтобы посеять нечто политичное, здоровое, человеческое - то, что составляет *virtu* свободного гражданина. Этого не понимают антикоммунисты Запада. <... > Как осчастливил

¹ *Wt* A. Pisma zebrane. T. 4: Korespondencja. Cz.1. S. 211.

² Слово «честные» у Вата по-русски.

³ *Wt* A. Mój wiek... T. 2.S.136.

молодого Бродского Джон Донн и какие плоды это принесло! С каким успехом освободился Синявский (в своих афоризмах) от кошмара сталинского невроза, как он воспрял, припав к источнику извечной русской народной религиозности! Как потрясающе Пастернак смог отождествить себя с несчастьем всего *многострадального*¹ русского народа! Каким глубинным страданием выжгла себя и мир Ахматова, стоя под стенами тюрьмы, где томился ее сын! Со времен "Двенадцати" Блока в течение почти пятидесяти лет русская литература не создала никаких иных ценностей»².

После знакомства с «Матрёниным двором» Ват в своих философских рассуждениях³ обращался посредственно к ницшеанскому «По ту сторону добра и зла» («Jenseits von Gut und Bose»), считая, что малый мир, окружающий Матрёну, был частью большего «мира наизнанку», мира «вне правды и лжи»: «Старую, хронически недоедающую, мерзнущую колхозницу Матрёну (из поражающего правдой рассказа Александра Солженицына, возможно, первого правдивого слова в России с 1924 года⁴) тащили в Дом культуры, чтобы она слушала стихи о колхозном роге изобилия, смотрела фильмы с ломящимися от всякой снеди стола, а затем ей объясняли сто, тысячу раз: "Это и есть твоя, Матрёна, счастливая жизнь". Сталин разместил человеческую речь не только вне добра и зла - это мелочь! - но и вне правды и лжи, вранья и искренности. *Jenseits von Wahrheit und Lüge* <...>⁵.

В письме работавшей над антологией «Поляки в СССР (1939-1942)»⁶ Марии Чапской от 23 февраля 1963 года, Ват, будучи еще под сильным впечатлением от прочтения «Одного дня Ивана Денисовича», советует, чтобы

¹ Слово «многострадального» у Вата по-русски.

² *Wat A. Mój wiek...* Т. 2. S. 53-54.

³ Эти размышления вошли в изданную в 1986 году книгу «Дневник без согласных» (раздел «Страницы на ветру»).

⁴ Трудно догадаться, почему здесь появляется именно дата 1924. Если Ват снова намекает на «Двенадцать» Блока (см. предыдущее прим.), то он ошибается, поэма ведь вышла уже в 1918 году. И вообще надо сказать, что эта пауза в русской литературе (т.е. якобы отсутствие в ней «правдивого слова» в период 1924-1962) явно придумана Ватам для большей, возможно, экспрессии.

⁵ *Wat A. Kartki na wietrze // Wat A. Pisma wybrane / red. K. Rutkowski. London: Polonia book fund, 1986. Т. 2: Dziennik bez samoglosek. S.174.* Подобные рассуждения, связывающие мир, окружающий Матрёну, с «миром наизнанку» Оруэлла, были включены и в «Мой век»: «В общем-то, вся философия коммунизма абсолютно во всех сферах - в философии, поэзии, судопроизводстве, статистике, планировании и в повседневной жизни - сводилась к одному-единственному принципу: то, чего, собственно, нет и быть не может, но что должно было быть, принять за существующее в реальности. Если бы мы попробовали усвоить этот тихий подход достаточно глубоко, то могли бы с энтузиазмом петь вслед за Лебедевым-Кумачом: *Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек* (фраза курсивом у Вата по-русски. - Г.П.). И тогда измученная голодом старая Матрёна из Солженицынского колхоза может без какого-либо изумления или вопросов принять за реальные картины прогибающихся от всяческой снеди колхозных столов» (*Wat A. Mój wiek...* т. 2. S. 348).

⁶ *Polacy w ZSRR (1939-1942) / oprac. i wstęp M. Czapska. Paris: Instytut Literacki, 1963.* (Biblioteka «Kultury»; т. 88).

Чапская прежде всего решила, кому эта книга предназначена: Западной Европе, или Польше: «... следует спросить, парафразируя Слонимского: кому этот ребенок предназначен. Если стране (Польше. - Г.П.), то о жестокости здесь знают все - и о немецкой, и о советской, и уже не могут больше об этом читать. И в этом случае аспект *разницы* (Курсив мой. - Г.П.) следует выдвинуть на первый план. Если же ориентироваться на границу, то наоборот, нужно показать, что Советы не были лучше Германии. <...> Но я советовал бы выбирать тексты, исходя из холодного расчета - ни в коем случае не из мизерабилизма!»¹ Нельзя, однако - Ват это особо подчеркивает, - не учесть существования «Одного дня Ивана Денисовича», но прежде следует избежать усиления нескольких мифов, которые после появления этого рассказа - парадоксально - возникли и на Востоке, и на Западе: «Главных мифов два: 1) Солженицын описал обычный день в обычном лагере и с точки зрения российского лагеря: ко всему человек привыкает (в общем-то, в этом и заключается сила литературного воздействия). И остается советская *Nacht und Nebel*², этапы, урки, Колыма и т.д. - но именно этот аспект способствует возникновению второго, куда более важного, мифа: 2) Читатель, лишенный возможности взглянуть глубже, проникнуть в тайну, задуматься и обдумать, оказывается ошеломленным лагерным сознанием, советской и немецкой системами лагерей. В этой ловушке оказался даже Давид Руссе. Давая *Ночь и туман* жестокости советских лагерей, мы рискуем усугубить это фальшивое сознание, хотя следовало бы сфокусироваться на *differentia specifica* - на наиболее важном. Одним словом, речь идет о какой-то взвешенной пропорции этих двух частично противопоставленных демистификаций»³.

Обращение Вата к творчеству Давида Руссе в связи с попыткой объяснения теории и практики советских лагерей требует объяснения. Руссе (1912-1997), французский писатель и публицист, с 1943 по 1945 год был узником лагеря Аушвица, а в 1945-1947 годах публиковал исследования о немецких концлагерях «Концентрационный мир» («L'univers concentrationnaire») и «Дни нашей смерти» («Le jours de notre mort»). Начиная с 1949 года Руссе в своих публикациях изобличал советские лагеря, сравнивая их с нацистскими. Именно это и подверг методологической критике Ват⁴, написав следующее: «К примеру, ничто не внесло в советологическую мысль столько сумятицы, как применение понятия "тотализм" в равной степени по отношению и к фашистской, и к большевистской действительности.

¹ Wat A. Pisma zebrane. T. 4: Korespondencja. Cz. 1. S. 76.

² *Nacht und Nebel* - Ночь и туман (нем.), акция германских властей: после специального указа 7 декабря 1941 года на всей оккупированной Германией территории Западной Европы были похищены, а потом убиты или брошены в концлагеря многие антинацистские активисты. В лагерях они носили на одежде нашивки с буквами NN. Фраза «Nacht und Nebel» взята из оперы Рихарда Вагнера «Золото Рейна».

³ Wat A. Pisma zebrane. T. 4: Korespondencja. Cz. 1. S. 75.

⁴ Критика Вата касается только *отождествления* Давидом Руссе сущности двух преступных систем: нацизма и коммунизма, а не убеждения об их общей преступности.

<...> Автор данного очерка также долго блуждал в двусмысленности этого понятия, и убедился в его неуместности и бесполезности, лишь потерпев фиаско - именно тогда, когда пытался в свой роман, действие которого происходит в гитлеровской Германии, ввести советский опыт»¹. И *conclusio* Вата: «Вот и еще один пример известного явления, правда, из другой области: художественная литература, освещающая одно и скрывая в полутени другое, а также уже одной лишь игрой своих обобщений вызывая в нашей чувствительной памяти всё, что формой и звучанием им подобно, сбивает с толку наше познание. Так и лагерные системы - гитлеровская и советская - несмотря на всю схожесть, принадлежат двум разным мирам»².

Приведенные выше рассуждения Вата, касающиеся не только нетождественных по сути лагерных систем, но и двух совершенно разных (не считая, конечно, общей античеловеческой подоплеки) политических строев - нацизма и коммунизма - взяты из малоизвестного чернового очерка Вата «Настоящее начало Ивана Денисовича». Черновик появился 21 января 1963 года, вскоре после того, как польский писатель прочел в ноябрьском номере «Нового мира» за 1962 год рассказ Солженицына. Ват в своем наброске замечает, что у него нет необходимой компетенции, чтобы писать о жизни в советских лагерях, поскольку он никогда в них не был, но зато просидел пару лет в одиннадцати советских тюрьмах, в «двух рецидивах»: «А эти тюрьмы были не только преддверием лагерей. Здесь можно было услышать истории тех, кто уже побывал в лагерях и был вновь вызван сюда. Тюрьмы - что наиболее существенно - были лабораторией по подготовке человеческого материала к лагерям. Иными словами, соответствующая позиция, чтобы сделать наблюдения относительно целей, функций и роли, которую система лагерей играла в жизни советских народов»³.

По мнению Александра Вата, сущность советских лагерей и их кардинальное отличие от гитлеровских концлагерей сводится к следующему: если гитлеризм «черпал идеи и этику из основных стремлений немецкого сознания (и подсознания)», то он тем самым «реализовал националистические по сути стремления немецкого народа в целом»: «Гитлеровский тотализм лишил немецкий народ воли, но дал ему поверить в его собственную, глубокую, едва осознаваемую мысль о *Millenium* немецкого народа. Таким образом, Гитлер дал нации моральное удовлетворение: реализовал подкожную идеологию, освободив при этом от необходимости думать и выбирать. По сути, Гитлер сыграл роль Великого Инквизитора. <...> А кроме того - и это также немаловажно - спас массы от безработицы и нищеты. Он желал, чтобы массы не спускались с высоты расовой чистоты нации господ и руководствовались проверенными

¹ Wat A. *Prawdziwy początek Iwana Denisowicza* // Wat A. *Pisma wybrane*. T.1: *Świat na haku i pod kluczem*. Eseje / opracował K. Rutkowski. London: Polonia, 1985. S. 230.

² Ibid. S. 229.

³ Ibid. S. 230.

временем и освященными традицией добродетелями. <...> Такие слова как "честь" и "верность" понимались согласно традиционной (Старонемецкой. - Г.П.) семантике - в гитлеризме *перековки*¹ душ не было. И если Сталин должен был нести свою абсолютную власть через безжизненные, срывающиеся в пропасть горные хребты, то Гитлеру достаточно было всего лишь спускаться по ровному скату богатых традиций и стремлений»².

Первый этап коммунистической «перековки душ», которой, по мнению Вата, не было в гитлеровской Германии и которая являлась первой основой и последней целью советской власти, начинался уже на пороге тюрьмы, после чего «перековка» распространялась, как зараза, по всей напуганной советской стране: «Первое правило: действовать через шок. Это старая китайская и японская истина, знание испорченного буддизма. Мудрец Дзэн в ответ на вопрос ученика о сути бил его палкой по голове»³. Дело было в том, чтобы каждый, переступив тюремный порог, сразу знал, что какой-либо логике вход сюда запрещен, и покорно согласился на капитуляцию, самоуничужение, позор; единственная его надежда - заслужить милость хозяина его жизни. Это первый уровень *перековки* душ, изменения структуры сознания. Сильнее всего она действовала на оставшихся на свободе. Абсурдность воздействия чрезвычайно усиливала его масштаб и эффективность. Поскольку никто не знал ни дня, ни часа, террор пробирался в дома, как ночной вор, службы получали миллионы добровольных и бесплатных помощников, случайных доносчиков и самодонсчиков. Бессмысленность демонизировала режим в наиболее узком значении этого слова: демонизм как то, что выходит за рамки разума и рассудка <...>. А постоянное повторение жестов, слов, рутинных

¹ Слово «перековка» у Вата по-русски.

² *Wata A. Prawdziwy początek Iwana Denisowicza. S. 237-238.* А в полемическом письме Юзефу Чапскому, написанном 6 мая 1967 года, Ват утверждал: «Безусловно, преступления большевизма по числу жертв были не меньше злодеяний немецких, но - и в этом принципиальная разница! - преступления большевиков были совершены против самого российского народа. Их совершила кучка узурпаторов, сумевших поработить весь народ в момент всеобщего распада. Немцы, тем временем, не только выбрали Гитлера, но и повсеместно поддерживали его, черпая из его власти блага (ликвидация безработицы, возрождение мощи нации, поражение других стран). Без этой всеобщей организованной поддержки целого народа не было бы этих злодеяний... Эта жалкая и выставленная на осмеяние кучка из 138 бойцов с гитлеризмом (вспомни, сколько сотен тысяч российских крестьян встало на борьбу с большевиками)» (*Wata. Pisma zebrane. T. 4: Korespondencja. Cz. I. S.123*). Стоит заметить, что о борьбе российских крестьян с большевиками говорит Ват еще задолго до Солженицына и было бы, наверное, полезным найти исторические источники, которыми он здесь воспользовался. А может быть, он услышал об этом от самих пострадавших, которых он, наверное, встречал во время своих тюрем и ссылок в СССР?

³ Из «Моего века»: «В Замарстынове это входило в ритуал: когда наивный эзк ссылался на Сталинскую конституцию, следовательно доставал из ящика резиновую дубинку. Вот тебе Сталинская конституция, - и бывало, прежде чем убрать дубинку, пускал ее в ход» (*Wata. Mój wiek... T. 2. S. 24. Пер. с польск. Н. Горбаневской*).

действий, прерываемое лишь коротким шоком, хорошо известно рефлексологам, психиатрам, специалистам в области рекламы - это важнейший инструмент дрессировки»¹•

И наконец, *conclusio* Вата, основанное не только на личном опыте пребывания в советских тюрьмах, но и на знании лагерной и внелагерной советской действительности (лучше сказать - «недействительности») времен Сталина: «Лагеря были миром - вечно закрытым и одновременно открытым; их действительность нависала над каждым, включая Берию (в этом убедились все его предшественники времен Сталина); они были фундаментом всей жизни и решали огромную задачу - всеобъемлющую миссию воспитания масс. Лагеря были по сути своей <...> воспитательными учреждениями, но в совершенно ином смысле: воспитывали тех, кто жил с внешней стороны колючей проволоки»²•

В «Моем веке» Ват переносил размышления о коммунизме и нацизме из сферы историко-социологической в метафизика-трансцендентное пространство, утверждая, что гитлеризм как один из двух полюсов «тотализма» является формой реакции на советский коммунизм, а тот, в свою очередь, является доказательством существования и успешности «дьявола в истории»: «В Совдепии я почувствовал, что - знаешь ли - современному человеку невероятно трудно верить в Бога, но безумно трудно не верить в дьявола. <...> Тогда я действительно понял дьявола в истории. И собственно коммунизм явился передо мной в виде дьявольском. Хочу ли я того, иль не хочу - но сей дьяволический момент является основой моего понимания коммунизма, скажем, тотализма, поскольку гитлеризм это тоже одна из его разновидностей, как форма реакции на коммунизм. Дьявол существует. Это было всегда мое убеждение»³•

В «Моем веке» Ват снова соотносит принцип *Jenseits der Wahrheit und der Lüge* со сталинским коммунизмом *en total*, намекая на его тесный союз с нацизмом после пакта Молотова - Риббентропа: «Не антисмысл, но высший смысл: не безумие, но метод. *Jenseits der Wahrheit und der Lüge*: так я сказал самому себе, парафразируя Ницше. <...> Это было самое гениальное достижение коммунизма - вырвать с корнями критерий правды. Правдивость и лживость всего сказанного определялась декретом Хозяина, единственного властелина всех вещей, людей и слов; на основании его декрета слово "Гитлер", вчера значившее воплощение Вельзевула, сегодня <...> фамилия союзника»⁴• Ват находил корни коммунизма уже в античности - в идее «закрытой республики» Платона: «Вся эта конструктивная, гениальная работа Сталина - реализация огромной платоновской республики с *пайдейей*, с *перековкой* душ»⁵•

¹ *Wata*. Prawdziwy początek Iwana Denisowicza. S. 236.

² *Ibid.* S. 237.

³ *Wata*. Mój wiek ... T.1. S. 59. См.: *Пшебинда Г.* Читая Вата: Воспоминания русиста. С. 57-61.

⁴ *Wata*. Mój wiek ... T. 2.S. 42.

⁵ *Ibid.* T. 1 S. 227.

Ват говорит Милошу: «Американские бихевиористы отрицают существование души, но душа есть. Какова вообще была хотя бы возможность большевизма, если бы души не было? Большевизм - перекраивание души. Но если ее нет, что же тогда перекраивать?<...> Хочу подчеркнуть - и я настаиваю на этом - что сутью сталинизма является прежде всего *перековка* души. То есть воспитательная цель, о чем говорил Руссо в "Contrat social". Кстати, Маркс цитирует Руссо в данном контексте: любой, у кого хватит смелости, чтобы перестроить общество, должен обладать также смелостью, чтобы перестроить человека. Это, по сути, выражала вся "Республика" Платона. Сталинская пайдейя»¹.

Целью этой «перековки душ» было уничтожение в СССР (в «есесерши» - говоря словами гениального Платонова, которого Ват, к сожалению, знать не мог²) - традиционных русских общественных, семейных и национальных связей; она должна была довести нормальных, честных людей до состояния совершенного одичания. Но отнюдь не везде большевикам удалось воплотить все это в жизнь: «В львовских тюрьмах такие попытки не увенчались успехом, а в нашей камере в Замарастынове со временем воцарился дух христианских катакомб. Также и в следующих моих советских камерах появилась солидарность, которая защищалась от угроз, будто огонек свечи»³.

В львовской тюрьме в Замарастынове Ват наблюдал среди заключенных украинцев (униатов) нечто вроде мистического братства. Царила среди них прекрасная человеческая солидарность и взаимная верность, никакого духа казарм в них не было⁴. С благодарностью вспоминает также Ват проявления «русской доброты», особенно со стороны врачей, с которыми ему и другим заключенным-полякам посчастливилось встретиться во время испытаний тюрьмами и ссылками⁵.

О якобы русских корнях коммунизма Ват говорил, например, в связи с Павлом Пестелем и его «Русской правдой»: «Благородный Пестель, вдохновение русской интеллигенции последних ста лет! Тем не менее, не были ли «Русская правда» примером для ГПУ?<...> Ленин и большевики

¹ Wat A. Mój wiek... T. 2.S.112.

² Платонов А. Котлован. Текст, материалы творческой истории. СПб.: Наука, 2000. С. 95,114,116.

В «Котловане» описана ключевая для Вата *перековка в действии*: «Товарищ Пашкин бдитительно снабдил жилище землекопов радиопупором, чтобы во время отдыха каждый мог приобрести смысл массовой жизни из трубы. - Товарищи, мы должны мобилизовать крапивицу на фронт социалистического строительства! Крапива есть не что иное, как предмет нужды заграницы... - Товарищи, мы должны, - ежеминутно произносила требование труба, - обрезать хвосты и гривы у лошадей! Каждые восемьдесят тысяч лошадей дадут нам тридцать тракторов!.. Сафронов слушал и торжествовал, жалея лишь, что он не может говорить обратно в трубу, дабы там слышно было об его чувстве активности, готовности на стрижку лошадей и о счастье» (Платонов А. Котлован... С. 53).

³ Wat A. Mój wiek... T. 2.S.10.

⁴ Ibid. T. 1S. 335-336.

⁵ Ibid. T. 1 S. 315-316; T. 2. С. 224.

должны были ее изучать. Если ничего о нем не пишут, то поступают, как множество писателей, обходящих молчанием важные источники своего вдохновения, вводя в заблуждение читателей»¹. Не останавливаясь слишком подробно на русских с формальной точки зрения корнях большевизма, Ват сравнивает тоталитарный проект Пестеля с «апологией средневековой монархии» немецкого мистика Фридриха Новалиса, с его «сакрализацией полиции»: «В случае Пестеля и Новалиса тождественность с большевизмом поразительна»²•

Ват утверждал, что, прочитав «Записки из Мертвого дома» Достоевского, пришел к окончательному выводу, что «ничего, ничего, ничего, вообще ничего общего не было между судьбой, психологией заключенных советских тюрем и каторгой Достоевского!»: «Какая пропасть должна была развернуться между Россией старой и большевистской! Не это ли опосредованное доказательство того, что большевистская Россия вовсе не явление российской истории?<...> Но если определить основные отличия <...>, то мы с удивлением обнаружим, что они присутствуют лишь в случае заключенных. Что же касается тех и наших хозяев жизни и смерти - бросается в глаза разительное сходство. В случае госаппарата произошло перенятие новыми победоносными правителями обычаев и физиогномики аракеевской бюрократии...»³•

Итак, по утверждению Вата, мнимая схожесть царской России и СССР вытекает именно из схожести тюремных надзирателей обоих режимов, тогда как психология заключенных совсем иная: в первом случае были рабы, во втором - свободные люди. Трудно, однако, тут не заметить, что польский узник советских тюрем видит эту очень сложную проблему только со своей, героической перспективы.

Чеслав Милош отмечал: «Ват чувствовал себя в моральном долгу перед несчастьем миллионов людей всех национальностей - тем несчастьем, с которым он столкнулся в каждой из своих тюрем. Это было до Солженицына, который позже станет примером того, насколько сильным импульсом может быть чувство такого нравственного долга»⁴•

¹ *Wat A. Mój wiek...* Т. 2. S. 347. Стоит здесь добавить, что подобная суровая оценка идеологии одного из вождей декабризма была бы без сомнений близка и Солженицыну.

² *Ibid.* Т. 2. S. 346-347. Также Ват, обратившийся во время тюремного заключения в христианство, видит схожесть безбожных кругов Англии XVII века с советским миром времен Сталина: «Где-то я уже упоминал, что дневник Даниэля Дефо, дневник времен чумы («Дневник чумного года». - Г.П.) - просто шокирующая картина чумы в Лондоне в XVII веке, абсолютно напоминает Россию, круг русской интеллигенции периода «ежовщины». Даже вывоз трупов, даже атеисты в кафе, громко богохульствующие и смеющиеся над этими, в основном, ночными одинокими погребениями. Эти похороны, эти телеги - это черные вороны. Совершеннейший черный ворон. Некоторые смеются в кафе над Богом, над усопшим, а завтра их уже нет - они тоже оказались брошены в общую могилу...» (*Ibid.* Т. 2. S. 152-153). «Черные вороны» и «черный ворон» у Вата по-русски.

³ *Ibid.* S. 349.

⁴ *Miłosz Cz. Przedmowa /Wat A. Mój wiek...* Т.1. S. 10.

Когда в 1960 году редактор Ежи Гедройц издал на русском языке первый из трех номеров парижской «Культуры», на страницах которого видные польские публицисты и писатели - Юлиуш Мерошевский, Чеслав Милош, Юзеф Чапский, Юзеф Лободовский, Густав Герлинг-Грудзинский - выступили с предложением диалога со свободно мыслящими русскими, Александр Ват отнесся к этой инициативе довольно сурово. Правда, он высоко оценил тексты Чапского и Герлинга-Грудинского соответственно за «христианскую симпатию» по отношению к русским и за «сострадание»¹, которого сей несчастный народ заслуживает, независимо от всего зла, которое он причиняет миру»², но его суровая критика коснулась программной статьи Мерошевского. Ват упрекнул его в чрезмерной политизации проблемы и ненужном объединении вопроса польской независимости от советской России с такой же независимостью Украины и других восточно-европейских наций: «Если в какой-то мировой конъюнктуре существует для нас (поляков. - Г.П.) эмансипация или даже независимость, то, вероятно, лишь в обмен на эксклюзивность, то есть совершенное отрешение от проблем Украины и пр. Или нет, если только не предполагается войны. Но даже и в этом случае не следует идти за этим к русским. Именно! Или - или! Или обращаться к русским, выстроить с ними связь - или ирредентизм (украинский, белорусский, литовский - Г.П.). Или делать ставку на войну, или на международную конъюнктуру, на распад империи по достижении какой-то критической точки, что случалось уже не раз, а посему может произойти вновь. "Культура" определенно выбрала эту ставку. А значит, во имя польского дела и ради эффективности воздействия на русских следует отказаться - по крайней мере, на данном этапе - от ввязывания в украинский, белорусский и прочий ирредентизм»³.

Такая осторожная позиция Вата во времена Хрущева основывалась, без всяких сомнений, на пережитом в тюрьмах и ссылках сталинского СССР. Примечательно, что, решительно критикуя позицию парижской «Культуры» в контексте польско-русского диалога, Ват уже в 1960 году прибегает к понятиям, которые вскоре будет относить к Солженицыну, а точнее, к его рассказу «Матрёнин двор». Ват резко отделяет «политику *sensu stricto*» - с ее «жаргоном», «индоктринацией», пусть даже «антибольшевистской» - от республики, которая могла бы в России начаться с прочтения книг Юнга, текста Исаяи Берлина о Толстом, «который прекрасно контрастировал бы с ленинской тягомотиной»⁴, эссе Лешка Колаковского «Что такое социализм?», книги Альфреда Уайтхеда о евреях, социальных очерков Симон Вейль, работы Ортеги-и-Гассета⁵... Несомненно, можно назвать Вата человеком книги, если он видит начало падения коммунистической

¹ У Вата слово «сострадание» по-русски.

² *Wat A. Pisma zebrane*. Т. 4: *Korespondencja*. Cz. 1. S.150.

³ *Ibid.*

⁴ Здесь, конечно, Ват имеет в виду статью Берлина «Еж и лиса: Эссе о взглядах Толстого на историю» (1953) и статью Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции» (1908).

⁵ *Wat A. Pisma zebrane*. Т. 4: *Korespondencja*. Cz. 1 S.151.

системы в России не в политической борьбе, а в чтении элитой философских книг, рожденных в культуре современного ему Запада.

Ват успел высказать и еще одно мнение, которое - живи он дольше - несомненно привело бы его к фундаментальной полемике с Солженицыным, особенно после его Гарвардской речи (1978): «Капитальнейшая, возможно, ошибка: пренебрежение Мерошевского-брезгливое и неприязненное по отношению к западной демократии - творческой свободой в искусстве, духовным ценностям. Русские читатели, в руки которых может попасть "Культура" - интеллектуалы, высокие чины, студенты <...> их мучит душевный голод. Надо разбудить их аппетит к духовной и культурной свободе всякого рода и вида, к красоте и разнообразию жизни (свободного общества), к произвольности, даже к интеллектуальному анархизму, к тому, что бескорыстно (*gratuit*). Возвеличивать то, что в СССР притаптывается и затаптывается: свободную литературу, искусство, пусть даже и абстрактное, религиозную мысль»¹.

Беседы Вата и Милоша, записанные на магнитофонную пленку в 1965 году, были опубликованы лишь в 1977 году в Лондоне, в эмиграционном издательстве «Polonia book fund», через десять лет после смерти Вата. За это время успел увидеть свет весь «Архипелаг ГУЛАГ» (1973-1975), поэтому публикация книги «Мой век» могла спокойно остаться незамеченной - ввиду того, что в ней затронуты те же проблемы, которые так всесторонне описал Александр Солженицын. Однако этого, к счастью, не произошло. Последнее на сегодняшний день польское издание книги Вата вышло в краковском издательстве «Universitas» в 2011 году. Это издание снабжено текстами польских интеллектуалов, бывших оппозиционеров, которые рассказывают, какую роль сыграл «Мой век» в их личной биографии, особенно в 1980-е годы, когда Польша, с меньшим или большим успехом сумела завершить процесс выхода из коммунизма. В издании 2011 года книгу «Мой век» Вата часто сравнивают по значению и влиянию на польские умы с «Архипелагом ГУЛАГом»². Существенная схожесть взглядов Александра Вата и Александра Солженицына видна особенно

¹ *Wat A. Pisma zebrane*. Т. 4: *Korespondencja*. Cz. 1. S. 149.

² Томас Венцлова пишет: «Прочел воспоминания Вата "Мой век" - плод совместных встреч у магнитофона с Чеславом Милошем. Из написанных когда-либо книг о коммунизме эта - одна из важнейших, ее следует поставить в один ряд с произведениями Александра Солженицына и Надежды Мандельштам. Особенная ценность «Моего века» заключается в том, что Ват говорит о России как человек извне - с Запада, тем не менее, с глубоким знанием и пониманием этой страны. Его знания о коммунизме могут поспорить со знанием любого человека, познавшего эту идеологию изнутри. И в то же время, оценка Вата - оценка, данная с определенного расстояния» (*Venclova T. Aleksander Wat: Obrazoburca*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1997. S. 9). «После смерти Сталина произошло масштабное возрождение литературы факта, в чем трудно не усмотреть некоей исторической иронии. Отойдя от своей более ранней, оруэлловской, сути, данная литература сыграла значительную роль в упадке системы, породившей ее и заставившей ее служить себе. "Мой век" Вата и "Архипелаг ГУЛАГ" Солженицына - два ярчайших примера этой литературы» (*Ibid.* S. 184).

в том, что оба отрицают связь советского коммунизма с историей дореволюционной России и отмечают логическое развитие Сталиным преступных идей и политики Ленина.

Литовский исследователь Томас Венцлова в монографии об Александре Вате замечает, что Вата более всего занимала феноменология места заключения в тоталитарной стране: с точностью, могущей конкурировать с солженицынскими описаниями, Ват представляет права и обычаи системы ГУЛАГа во всех их ипостасях. Но ситуацию лишения свободы в трудах Вата можно также интерпретировать и более общо, и более фигурально (метафорически) - таким же образом, как это делал Оден в известной эпитафии на смерть Йейтса. Лишение свободы связано ведь с общим состоянием человека, отнюдь не только в XX веке¹.

Существуют переводы «Моего века» на многие европейские языки. Английский, правда, в сокращении, под названием «My Century. The Odyssey of a Polish Intellectual», появился впервые в 1988 году в Беркли в издательстве «University of California press» (новое издание, тоже сокращенное, в переводе известного писателя Роберта Лурье - в 2003). Уже в XXI веке увидели свет немецкий (2000), французский (2000), нидерландский (2001), испанский (2009), итальянский (2013), румынский (2014) переводы. Жаль, что эта воистину великая книга до сих пор не дождалась перевода на русский.

¹ *Venclova T. Aleksander Wat: Obrazburca. S. 386.*